

Волшебный сюрикэн / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Волшебный сюрикэн / рассказ ВОЛШЕБНЫЙ СЮРИКЭН

В самую непредсказуемую ночь года – перед Рождеством – и сновидение Вите досталось такое же непредсказуемое, стиле анимэ. Ему приснилось, что снежинка-сюрикэн¹ с острыми лучами попала ему в голову и вылетела вон через висок.

Витя увидел себя со стороны, как бы глазами зрителя – молодого высокого мужчину кто-то вывел легким абрисом светло-серой тушью на фоне чёрного экрана неба. Витя будто бы стоял на дороге за деревней и, запрокинув голову, любовался обильным снегопадом. Крохотные «пушистики», похожие на белых цыплят, летели густой стаей и таяли, попадая к нему на лицо, садясь в горячие ладони, которые Витя выставил вперёд, словно за подаванием. Что ж, когда снежная манна щедро сыпалась сверху и прямо в руки, так о чём оставалось горевать? И сделалось весело, спокойно и светло на душе.

Снежинка-сюрикэн ворвалась в его сон откуда-то сбоку. Она бесшумно неслась параллельно ночной дороге с огромной скоростью, оставляя за собой в чёрном маслянистом воздухе блестящие прожилки серебряных всполохов. Висок мультяшно взорвался ярко-алым фонтаном, но во сне боли Витя не почувствовал, она настигла его сразу же, как он проснулся. «Вот что значит, бухать не по-человечески! – выругал себя Витя, тяжело поднимаясь с кровати. – И башка трещит, и снится какая-то страхота!»

Он поплёлся к вёдрам с водой, толком не разлепив глаза, сунулся ковшом, и услышал звон железа о сухое дно. Пришлось топтать на колодец, наскоро накинув на себя пуховик. Деревня Весёлкино в этот ранний час ничем не подтверждала своего названия. Вот уже пять лет она оживала только с мая по октябрь, а зимой заносило её снегом, словно запечатывало в

белый конверт до весны. Но давно закрыта почта в Весёлкино: никто никому этот конверт не отправит, не откроет, не прочтёт!

После вчерашнего снегопада выяснило, как в стихотворении Пушкина, аж захотелось пробормотать себе под нос про «Мороз и солнце; день чудесный!» До колодца Витя добирался, прорываясь через упругую плоть сугробов с усилием, словно пиная с каждым шагом их мясистые бока. Ослепительно сверкающие тела прикрыли землю, а избы, будто монахини, принарядились ради праздника: торжественно стояли в белоснежных клобуках на крышах. От этой красоты дух захватывало так, что Витя даже на мгновение забыл про похмелье. «С Рождеством, Весёлкино!» – крикнул он хрипло. Кто-то же должен был поздравить деревню. От свежего воздуха голове стало легче. Вернувшись в тепло избы, Витя, даже не скинув ещё пуховик, разом осушил полковша ледянки².

Все новогодние каникулы вплоть до сего дня Витя провёл, как в детстве, в деревне, только тогда приезжал он в Весёлкино из Вологды не один, как нынче, а вместе со старшим братом Колькой. Внуков встречали и привечали бабушка и дедушка. В передней все вместе ставили живую ёлку, наряжали её старинными игрушками, купленными ещё в шестидесятые годы в райпо: космонавты, груши-яблоки, кораблики, сосульки да шишки. Вешали советскую гирлянду с тёмными лампочками, синими, зелёными, жёлтыми, красными, тускло светившую, но зато такую родную, такую знакомую до малейшей щербинки на плафончиках в виде фонариков. Днём с братом ходили на охотничьих лыжах гулять в лес, катали друг друга на санках, играли в снежки, строили крепости, помогали бабушке с дедушкой по хозяйству, а вечером все вместе собирались за ужином, после которого можно было стариков расспросить о прошлом.

Реальные истории нравились мальчишкам больше сказок. Витя и сейчас с удовольствием послушал бы ответы на всегда одни и те же вопросы. Один из них: «Бабушка, расскажи, как ты сама была маленькой?» И бабушка вспоминала невероятное, сказочное, по мнению Вити. Будто бы в Весёлкино во времена её детства жило

больше сорока семей, и как раз после Рождества начинались святки. Дети и молодёжь ходили от двора ко двору ряжеными, пели колядки, получая за это подарки, озоровали, гадали в бане у вдовы-солдатки Параси. Будто бы на реке Веселинке, которую Витя и за реку-то не признавал, потому как мог легко перешагнуть её с берега на берег, устраивали ледовый каток. Мол, такой Веселинка была широкой и глубокой, что дед в юности в Парнечьем боготе³ нырял и вставал ногами на дно, а потом поднимал вверх руки, но руками до поверхности так и не доставал, а щук в Веселинке ловили размером с бревно...

Дед всякий раз согласно кивал в этом месте бабушкиного рассказа, и пояснял внукам: «До мелиорации это было. Тогда рек ещё не нарушили⁴». Впрочем, к деду у мальчишек копились свои вопросы, часто остававшиеся не отвеченными. Спросишь, бывало: «Дедушка, как ты воевал?» А он вместо того, чтобы про сражения да разведку рассказывать, как заведёт волынку, что под Сталинградом у него валенок продырявился, и пришлось немецкие ботинки надевать, а они такие холодные оказались, что он большой палец на ноге себе отморозил. Или начнет песни петь, да всё какие-то неизвестные: ни по телеку таких не услышишь, ни на радио. В те годы ребятню на уроках музыки постоянно пичкали военной классикой, но таких Витя с Колькой ни разу не проходили.

Одну Витя и до сих пор помнил:

Страна наша героями богата,
Отважен, смел и честен наш народ.
Он – сын народа, Александр Панкратов⁵,
Всех нас зовет: «За Родину! Вперед!»

Напевая и вспоминая давно умершего деда, Витя сложил в русскую печь дрова, затопил, и включил электроплитку, чтобы поскорее сварить себе овсянку на воде, подкрепить измученный выпивкой желудок. В деревне в компании с бутылкой Витя оказался потому, что нынешним летом развёлся с женой Валею. Банальная история: она нашла себе другого, а он другую не нашёл. Витя очень рано

женился, еще учась в университете, и настолько привык к семейной жизни, что успел прочно позабыть, каково это, быть холостяком. Даже само слово – «холостяк» – ему не нравилось. Холостой – всё равно, что не нужный, как выстрел без пули, как работа двигателя в никуда не едущем авто, как пельмень без начинки, холостяк – пустышка, одиночка, отщепенец...

За Валю он поначалу пытался бороться: уговаривал, собирался бить морду счастливому сопернику, напоминал о детях, но Валентина осталась непреклонной. Он был готов уже хоть и, на коленях стоя, умолять её остаться да случайно попалось ему в соцсетях у какой-то знакомой женщины на стене стихотворение:

Есть к тебе серьёзный разговор.
Ну-ка отойдём давай в сторонку!
Пощатнись от выстрела в упор –
Грудь не жаль, жаль новую дублёрку.

Воздуха наливка горяча,
Но глотай и морщиться не надо!
Весело по полу застучат
Капельки, как зёрнышки граната.

Знай, ты не уходишь, как герой.
Не тоской любовной поражённый!
И не зарыдают над тобой
Ни детишки, ни бывшие жёны.

И на этом свете, и на том
Толку от таких, как ты немного.
Падай вниз испуганным лицом
И руками ног моих не трогайб.

Как ушат холодной воды на голову, стихотворение это отрезвило разом. «В таких поединках побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кого любят, – вдруг понял Витя. – И если разлюбила, нет никакого смысла унижаться пусть даже и перед любимой женщиной».

Странно всё же получилось. Он-то боялся, что дети будут развод тяжело переживать, но они словно бы и не заметили, а, может, чересчур занимали их молодые головы свои собственные проблемы. Сын Володька закончил престижный колледж связи, и в ноябре ушёл в армию, попал в образцовую часть – ни дедовщины, ни чрезмерных нагрузок! Казалось бы, служи – не тужи, но Володька оказался ревнивцем: тосковал по своей девушке в извечном солдатском гадании «дождётся-не дождётся». Тут уж некогда вникать в перипетии родительской личной жизни, в своей бы разобраться. Дочь Вика в этом году поступила в институт в Питер, на новогодние каникулы она решила в Вологду не приезжать. «И то верно! – одобрил её про себя Витя. – В большом-то городе веселее праздники отмечать».

Витя провел новогоднюю ночь в плохо протопившемся дедовом доме, даже спать пришлось в туристическом мешке, а первого января под вечер поздравил обоих детей по телефону, узнав, как с шиком солдаты пировали всю ночь в «красном уголке», а студентки – в общежитии. «Папа, ты там в Весёлкино тоже веселись, ладно? Не унывай! Чмоки!» – прощепетала на прощание дочка, и как-то пусто стало внутри, словно что-то оборвалось, и стоило повесить трубку, возникло противное ощущение, будто говорил он не с прежней своей дочуркой-малышкой, названной в честь него, Виктора, Викторией, а с какой-то незнакомой девушкой, почему-то обращавшейся к нему «папа».

Витя тут же позвонил и своим родителям, для приличия позвал их к себе, в деревню, но знал, что откажутся. Его «предки» были слеплены совсем из другого, чем он, более крутого теста. Их юность выпала на расцвет комсомола. И пусть Союз распался, пусть они постарели телом, но в душе мама и папа всё еще оставались бравыми строителями светлого будущего. В годы Витино детства они дневали и ночевали на работе, ставя трудовые рекорды на заводе, где и он сам теперь числился инженером. Ходили в туристические походы то на Урале, то на Алтае, совершали авто-вояжи по «Золотому кольцу». Отдыха в Весёлкино они уже тогда не одобряли, считали его

бесперспективной тратой времени в не нужном промышленной империи селе. Хоть и выросли оба в деревне, но слишком рано покинули её, и слишком свято поверили в лозунги Страны Советов, канувшей в Лету.

К тому же, как выяснилось, на новогодние каникулы в Вологде они разработали для себя целую программу: лыжная прогулка, поход в кинотеатр по льготным билетам для пенсионеров, вечер танцев «Для тех, кому за...» «И ты бы, сынок, не сидел в деревне. Ты ведь не старый дед! Приезжай к нам на танцы! Познакомишься тут с хорошей женщиной!» – вела агитацию мама, и Витя под её комсомольским напором еле отноткался от «заманчивого» предложения. Никаких «хороших женщин» ему не нужно, кроме Валентины, но маме не объяснить...

Брату Коле он звонил накануне Нового года – тридцать первого декабря, еще до отъезда из Вологды. Витя не ладил с невесткой Кристиной, но, как на грех, мужний мобильный схватила именно она. Была у нее такая дурная привычка отвечать вместо Коли. Кристина прикрывала трубку рукой, но вряд ли особенно усердно, и за кадром Витя услышал:

– Коленька, брательник твой звонит... Будет напрашиваться к нам на Новый год, я против!

Коленька в её глазах был человеком успешным. Фирму возглавлял по производству мебели: пусть небольшую, но свою! Прилично зарабатывал: и содержать квартиру двухуровневую хватало, и отдыхали то в Эмиратах, то в Европе, и сыновей учили на платном отделении в университете в Москве. А Витька – кто? Так... Инженеришко на заводе. Да еще и развёлся, жена, видите ли, ему изменила. Разве стоящим мужикам изменяют жёны? Изменяют только тем, кто пашет, как холоп, живёт в стандартной «трёшке», а на отдых в лучшем случае в Турцию летает раз в три года... Да еще и пьяным горе-родственничек в гости заявлялся пару раз после развода. К чему этот унылый балласт за новогодним столом, где соберутся избранные подруги и их солидные мужья?

К чести брата тот Витю после обмена короткими поздравлениями всё-таки в гости пригласил, но Витя соврал Кольке, что Новый год будет встречать в ресторане в компании друзей, а сам собрал вещи и уехал в Весёлкино.

После холодной новогодней ночёвки потянулись такие же холодные, серые, скучные дни. Изба, словно в отместку, что её бросили на целую осень, никак не хотели оживать и протапливаться. Витя к Новому году нарядил еловый букет, но игрушки и гирлянда, в детстве казавшиеся волшебными, теперь выглядели старой рухлядью. Да и сам букет навевал невесёлые мысли. «Вот раньше была семья, дед, бабушка, брат, родители, жена, дети... Ставили ёлку – дерево жизни. На нём все мы – от пращуров до нерождённых ещё потомков. А сейчас? Случайные ветки собрали вместе в случайный букет», – размышлял Витя. Беседовать в Весёлкино ему было не с кем, и он постоянно погружался в бесконечные внутренние монологи, а иногда даже проговаривал какие-то фразы вслух, чтоб не забыть за каникулы, как звучит собственный голос.

Телевизор смотреть он не особенно любил, да и не показывали там ничего стоящего, Интернет до Весёлкино пока ещё не добрался, сигнал был совсем слабым. Оставалось только топить печь, готовить еду да обходить ежедневным дозором знакомые с ранних лет деревенские места.

Данные разведки и тут не порадовали. Ручей Веселинка стал ещё уже, и дачники загадили его мусором. Лес, где катались с братом на лыжах, вырубили, и на месте сказочно разлапистых елей, как с новогодней открытки, теперь нелепо торчали тощие осинки посреди могучих пней. От заброшенной зерносушилки, где играли с Колькой в самураев и ниндзя, остались только кирпичные стены без крыши, и окна без стёкол тупо пялились в никуда – в буддийскую пустоту...

Сушилкой этой не пользовались уже с восьмидесятых годов. Она медленно ветшала, пока не развалился Советский Союз, а вместе с ним и местный колхоз. И вот тогда механизмы разрезали и

сдали на «Северсталь»⁷ сборщики металла, а дачники, где смогли, разобрали кирпичную кладку для укрепления деревянной дороги. Каждый день нынешних каникул Витю, как магнитом, тянуло почему-то к этим руинам. Он приходил на сушилку через поле на лыжах, не спеша объезжал развалины несколько раз по кругу и вспоминал мальчишеские игры. Они с Колькой увлекались анимэ и боевыми искусствами, в Вологде даже ходили в школьную секцию каратэ. Особых успехов оба не добились, но медали на городских соревнованиях исправно получали, а главное, занимались с удовольствием.

Сушилка в Весёлкино стала их порталом в тайный мир. Здесь они преображались в древних японских героев Уэсуги Кэнсина⁸ и Такэда Сингэна. Воображали себя непревзойденными мастерами единоборств профессором Уэсиба⁹ и Хидэо Очи¹⁰. Братья то играли в ниндзя и вырезали из консервных банок сюрикэны, то мастерили деревянные мечи, как у самураев, устраивали поединки и тренировки. Самодельное оружие прятали в зерносушильной машине. Она напоминала Вите корабль пришельцев-инопланетян, и потому мальчишкам во время игр служила или приземлившимся НЛО, или монстром из популярных «анимешек».

Для Вити сегодняшний день стал калькой всех предыдущих: завтрак – рюмка опохмелиться и телек с советскими фильмами, обед – и снова рюмка, и снова телек. Незадолго до сумерек Витя собрался прогуляться до сушилки – собрать последние уцелевшие зёрна счастливых воспоминаний. Добежал быстро на лыжах по собственному запорошенному следу, привычно побродил вокруг руин. «Чего нам эти анимэшки так в душу запали? Почему мы, например, не в войнушку с фашистами играли, как другие пацаны?» – мысленно задал он вопрос сам себе. И ответ пришёл: «Проще некуда. Там в фильмах через один сюжеты про двух братьев, как старший младшему помогает». Тоскливо сделалось, вспомнился последний предновогодний разговор с Колькой. «Игры кончились. Реальная жизнь началась», – усмехнулся Витя.

Солнце опускалось за белый и безмолвный лес, и весь небесный пейзаж напоминал флаг японцев. Чтобы вдоволь налюбоваться им,

Витя скинул лыжи и вскарабкался на высокий остаток стены по опасно шуршащему под ногами мёрзлому и скользкому кирпичу. «В Японии белый – цвет траура, смерти», – вспомнил Витя, наслаждаясь, почти медитируя на рождественский закат. Повернулся, чтоб спуститься и поскользнулся – полетел вниз на вывороченные тракторами бетонные плиты фундамента. Витя успел ещё услышать противный треск сломавшейся кости руки, а затем крупный кусок кирпича, упавший со стены, глухо ударил по голове, и японский флаг в небе, и весь свет померк...

...Витя очнулся в реанимации. Из носа торчали трубки, голову сжимало что-то плотное наподобие платка – это давила на череп повязка. Он открыл глаза и первое, что увидел – круглое лицо какой-то пожилой женщины. Она вдруг начала ругать его да в таких выражениях, что сделалось до крайности обидно.

– В...в...в...вы зачем ругаетесь? – еле выговорил Витя.

– А специально, милый! Чтоб ты снова не отключился, – весело рассмеялась санитарка. – Молодец какой! Даже заговорил со мной! Ну, значит, на свадьбе твоей ещё погуляем!

И она ушла звать доктора. От врача Витя и узнал, что на заброшенной зерносушилке тем же рождественским вечером его нашёл брат Колька. Он сначала дотащил Витю на волокуше, которую соорудил из лыж, до деревни, а потом и до федеральной трассы, куда вызвал скорую. В само Весёлкино неотложка не смогла проехать, дорогу после метели не чистили.

Через три дня Витю перевели в обычную палату, причем, не вполне обычную: Коля оплатил отдельную, напоминающую стандартный гостиничный номер. Витя с нетерпением ждал брата, чтобы задать Кольке один-единственный вопрос, и как только тот пришёл, выпалил, даже не поздоровавшись:

– Как ты понял?

– И тебе здравствуй, брат, – расхохотался Колька. Вместе с ним в палату ворвался наглый запах свежего зимнего воздуха и немного табака, явно перед тем, как зайти в больницу, Коля

покурил на крыльце. Он сел не на стул рядом с кроватью, а прямо в ногах у Вити. – Гляжу, с мозгами у тебя всё в порядке, а то мы уж боялись, что в уме повредишься. Ну а руки-ноги заживут.

Брат похлопал Витьку по лодыжке под одеялом и продолжил:

– Хотя это как посмотреть. Надо ж до такого тебе, дураку, додуматься! Выпить стопку и лезть на стену на сушилке! Кто так делает-то?

– Да после отругаешь, – поморщился Витя. – Меня и так уже сегодня отец с матерью «пропесочили», они меня днём навещали. Как ты меня нашёл? Как догадался?

– Волшебный сюрикэн, – улыбнулся брат.

– Какой ещё сюрикэн? – удивился Витя.

– У меня в детстве была тайная игра для одного: я о ней тебе не рассказывал. Как будто бы есть у меня невидимый сюрикэн-шпион. Он заколдованный. За тобой летает, а потом ко мне возвращается. Я смотрю в него, а он якобы из полированной стали, и, как в зеркале, я всё вижу в нём, чем ты занимался без меня.

– И ты, гад, мне не рассказывал? – искренне возмутился Витя.

– Тебе точно кирпичом мозг задело, – рассмеялся Коля. – Сам посуди, если о тайной игре для одного рассказать, то какая же она после этого тайная? В общем, беспокойно мне было как-то с утра в Рождество. Почему-то все каникулы мне этот сюрикэн-шпион вспоминался. Жаль стало, что на самом деле у меня такого нет, и я не знаю, где ты. Ну и я решил тебе позвонить. Набрал, а телефон вне зоны действия. Я подумал: значит, брательник в Весёлкино. Там никогда толком сети не бывает. Приехал, в избе нет никого, но букет наряжен, жратва готова, значит, я прав, ты здесь. А потом пошёл тебя искать на улице, увидел свежую лыжню, взял дедовы лыжи, и по ней. Думаю, ну, точняк, на сушилку упёрся! Вот там вместе и поностальгируем о самурайском детстве. Прихожу, а ты под стеной лежишь в отключке с кирпичом на башке вместо шапки.

– Он мне приснился накануне, – вспомнил Витя.

– Кирпич? – усмехнулся брат.

– Не поверишь, но мне приснилось, что сюрикэн пробил мне голову.

– О как! Придумаешь невидимый сюрикэн-шпион, а он возьмёт и себя обнаружит. Непорядок! Выговор ему сделаю за плохую работу, – рассмеялся Коля.

– Лучше похвали за хорошую, без твоего сюрикэна я, может, и концы бы уже отдал.

– А тебя вообще, зачем на стену-то понесло, ниндзя-недоучка? – поинтересовался Коля.

– Знаешь, какой красивый закат был в небе? – просто пояснил Витя.

– Как японский флаг, – кивнул Колька и, смеясь, пропел: «Кто оденет зимнее солнце, в небе, как на флаге японцев, желтые лучи, дымом от печи...»¹¹

Брат встал с кровати и начал выкладывать из пакета на столик яркие, крупные, нарядные мандарины, а затем помыл руки и начал чистить их по одному, чтобы в его отсутствие Витьке со сломанной в двух местах рукой не пришлось просить об этом чужих людей.

1. Сюрикэн – японское метательное оружие, изготовленные по типу повседневных вещей: звёздочек, игл, гвоздей, ножей, монет и т. п.

2. Ледянка (диал.) – вода с льдинками, только что принесенная зимой из колодца.

3. Богот (диал.) – глубокое место или обособленная заводь на реке.

4. Нарушить (диал.) – уничтожить.

5. Александр Панкратов – Герой Советского Союза, первым в истории Великой Отечественной войны, закрыл своим телом огонь пулемёта, уроженец Вологодской области. Цитируется стихотворение комсомольца Романенко (инициалы не известны), ставшее народной песней.

6. Стихотворение цитируется с разрешения автора – поэтессы

Екатерины Яковлевой (Мурманск).

7. «Северсталь» – крупное сталелитейное предприятие в Череповце.

8. Уэсуги Кэнсин – даймё, правивший провинцией Этиго, один из наиболее могущественных полководцев периода Сэнгоку в истории Японии. Легендарным стало противостояние Уэсуги Кэнсина с не менее известным полководцем Такэдой Сингэном. Их отношения являются популярной темой в японском искусстве. Многие последователи Кэнсина верили в то, что он является воплощением бога Бисямонтэна, и называли его богом войны.

9. Профессор Уэсиба Морихэй – создатель айкидо.

10. Хидео Очи – легендарный мастер каратэ, обладатель 8-го дана.

11. «Зимнее солнце» – песня рок-группы «Tequilajazzz».

Об авторе: НАТАЛЬЯ МЕЛЕХИНА

Прозаик, критик. Закончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства ВГПУ. Публиковалась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Север» и другие. Дважды лауреат Международного Волошинского конкурса 2013 и 2014 года, лауреат Балашовской премии. Автор семи книг прозы. Живёт в Вологде. Neкаýalar